

ОТ МОДЕРНИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ
OD MODERNIZMU DO POSTMODERNIZMU

**OD MODERNIZMU DO POSTMODERNIZMU
LITERATURA ROSYJSKA XX-XXI WIEKU**

TOM JUBILEUSZOWY DEDYKOWANY
PROFESOR HALINIE WASZKIELEWICZ

Pod redakcją Anny Skotnickiej i Janusza Świeżego

Kraków 2014

**ОТ МОДЕРНИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВЕКОВ**

**СБОРНИК СТАТЕЙ В ЧЕСТЬ
ПРОФЕССОРА ХАЛИНЫ ВАШКЕЛЕВИЧ**

Под редакцией Анны Скотницкой и Януша Свежего

ROSJA • myśl • słowo • obraz

Краков 2014

Проф. Халине Вашкелевич

*в честь юбилея 45-летия научной деятельности –
друзья, коллеги, ученики*

Prof. Halinie Wszkielewicz

*z okazji Jubileuszu 45-lecia pracy naukowej –
przyjaciele, koledzy, uczniowie*

Проф. д-р гуманитарных наук Халина Вашкевич
Prof. dr hab. Halina Waszkielewicz

Под редакцией Анны Скотницкой и Януша Свежего, Краков 2014

Алла Грачева

Россия

ДНЕВНИК МЫСЛЕЙ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ 1940-Х ГОДОВ¹

Творчество мастера русского авангарда Алексея Ремизова (1877–1957) на протяжении долгих лет является одной из главных тем в научной деятельности профессора Ягеллонского университета Халины Вашкелевич. Результаты ее исследований нашли выражение в научных статьях, монографии², в лекционной деятельности и в многочисленных докладах на семинарах и симпозиумах. Проф. Х. Вашкелевич была активным участником всех международных научных конференций, посвященных А. Ремизову и проводившихся в 1994, 1997 и 2007 годах в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН. Ее консультации, посвященные вопросам влияния на писателя литературы польского модернизма, значительно помогли ученым ИРЛИ РАН в работе по изданию 10-ти томного *Собрания сочинений* А. М. Ремизова³.

Алла Михайловна Грачева – доктор филологических наук, заведующая Отделом новейшей русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург.

¹ Работа выполнена по проекту РГНФ № 13-04-00270а.

² См.: H. Waszkielewicz, *Modernistyczny starowiec. Główne motywy prozy Aleksego Remizowa*, Kraków 1994.

³ А. М. Ремизов, *Собрание сочинений: В десяти томах*, Москва 2000–2003.

В настоящее время ученые и архивисты Пушкинского Дома и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) осуществляют комментированное издание хранящегося в РГАЛИ монументального рукописного *Дневника мыслей* Алексея Ремизова, охватывающего период с 1943 по 1957 год. В 2012 году вышел из печати первый том *Дневника*, зафиксировавший события с 1943 по начало 1946 года⁴. В 2014 году будет опубликован подготовленный второй том, охватывающий период 1946–1947 годов. В настоящее время ведется работа над третьим томом *Дневника*, освещающим время конца 40-х годов. Цель настоящей статьи – обозначить существенные параметры эволюции этого текста, ставшие уже очевидными при работе над тремя томами издания.

Ремизовский дневник представляет собой произведение нового вида традиционного жанра документально-художественной прозы. Его авторское определение – термин «дневник мыслей» – было заимствовано Ремизовым из названия текста Льва Шестова, содержащего частично датированные записи рубежа 1919–1920 годов – времени отъезда философа в Швейцарию из Крыма, охваченного огнем Гражданской войны. *Дневник мыслей* Льва Шестова был опубликован только в 1976 году, однако, очевидно, что его рукопись была известна Ремизову – давнему и близкому другу философа⁵. Сквозная тема шестовского произведения – преодоление жизненных невзгод силой человеческого разума. Вероятно, идея использовать определение, придуманное Шестовым, возникла у Ремизова в связи с обстоятельствами его жизни в 1940-х–1950-х годах. В письме к своей литературной ученице и меценатке Наталье Кодрянской от 27 января 1956 года он отмечал:

Упорное записыванье – запись мыслей. Это, как на инструменте, надо упражняться. Надо что-то обязательно ежедневно. Мне так трудно писать, меня спасает утреннее записыванье снов⁶.

Заимствовав термин («дневник мыслей») из одноименного текста философа Льва Шестова, Ремизов создал свой новый вид дневниковой прозы. Его формирование имело несколько этапов.

Сначала («Дневниковые записи мая – сентября 1943 г.») ведение ежедневных заметок было традиционным. В последовательно продолжающихся постраничных записях автор пересказывал факты течения своего дня, которые дополнялись изложением содержания сновидений.

⁴ А. Ремизов, *Дневник мыслей 1943–1957 гг.*, т. 1, Санкт-Петербург 2013, 374 с.

⁵ Л. Шестов, *Дневник мыслей*, «Континент» [Париж] 1976, № 8, с. 235–252.

⁶ Н. Кодрянская, *Ремизов в своих письмах*, Париж 1977, с. 398.

В дальнейшем, с октября 1943 года, Ремизов перешел к ведению дневника на основе использования возможностей имевшегося в его распоряжении бумажного материала – «общей тетради» в клетку. Начиная с этого времени, ежедневные записи располагались на левой (оборотной) и правой сторонах разворота тетради. В Первой тетради (октябрь 1943 – март 1945 года) на левой стороне изначально располагался текст бесконечного монолога Ремизова, осмыслявшего потерю любимой жены. На некоторое время эта (левая) половина тетрадного разворота существовала как бы автономно от правой, имея свою моно-тему и единый лирический настрой, сопоставимый со стилистикой поминальных «плачей». На правой же стороне Ремизов лапидарно значками или в нескольких словах фиксировал события, предвещающие сон (в основном, это были точные указания времени и количества бомбардировок и сигналов воздушной тревоги), а также стилистически нейтрально пересказывал сюжет сновидения. Таким образом, вначале разворот дневника представлял собой двуединство лирической прозы и хроники.

Только во Второй тетради (март 1945 – январь 1946) Ремизов постепенно пришел к тому типу организации текста, который в дальнейшем стал определяющим структурным принципом его *Дневника мыслей*. На левой (оборотной) стороне тетрадного разворота писатель делал краткие записи о дневных событиях. Они состояли из списков лиц, приходивших в квартиру на улице Буало или присутствовавших на значимых для Ремизова событиях; из записей дат смерти знакомых; из фиксирования фактов получения им материальной помощи; из библиографических сведений о вышедших публикациях с данными о гонораре. Все записи помечались цифрами, четко соответствующими дате дневного события. Значительные по объему списки лиц могли дополнительно к цифре (дате) сопровождаться внутренней порядковой нумерацией.

При анализе генезиса семантики подобного типа записей надо вспомнить, что Ремизов получил образование в московском Александровском коммерческом училище, откуда он вышел, в частности, с профессиональными знаниями по ведению бухгалтерских книг. Представляется, что именно этот стилевой источник лежит в основе поэтики левых – «дневных» страниц *Дневника*, по сути, представляющих собой вариант бухгалтерских записей.

На правой же стороне тетрадного разворота следовали ремизовские изложения снов, помеченные двойной датой, обозначающей ночь с такого на такое-то число, например, «1–2. X.», «12–13. XII.» и так далее.

Тетради, являющиеся архивными источниками второго и третьего томов *Дневника мыслей*, содержат дневниковые заметки уже выработанного, достаточно четкого типа. В них левая (оборотная) сторона разворота чисто информативна. По стилю ее можно отнести к деловой письменности. Правая (сновидческая) сторона является в тексте дневника ведущей и находится на грани документальной и художественной прозы. В ней сюжетно разворачивается фантазия Ремизова-сновидца и художественное мастерство Ремизова-писателя. Лапидарно-регистрационная манера левой стороны разворота здесь сменяется емким, зачастую метафорически усложненным художественным стилем.

Содержание второго и третьего томов *Дневника мыслей* Ремизова отражает основные параметры существования писателя в условиях Франции, только что пережившей войну, а также фиксирует направления его литературной работы тех лет.

Как уже отмечалось, начиная со второго тома *Дневника мыслей*, «дневные» стороны тетрадного разворота содержат списки лиц, в реальности приходивших на квартиру писателя или присутствовавших на значимых для него событиях вне ее. Сравнительный анализ перечислений посетителей этих лет с гостевыми перечнями, вошедшими в первый том дневника, показывает соединение в них, одновременно, статики и динамики.

Обратимся к спискам личных друзей писателя. В годы немецкой оккупации его «ближний круг», в основном составляли пожилые русские эмигранты, часть из которых жили в том же доме номер 7 по улице Буало: востоковед Василий Петрович. Никитин («Эмир обезьяний»), театральный режиссер Николай Николаевич Евреинов, его жена – Анна Александровна Евреинова-Кашина («Купоросная»), Анна Николаевна Полякова («Акула», «Жар-Птица», «Кошатница»), Екатерина Даниловна Унбегаун («Верховая», «Бабушка Верховая», «Половчанка») и другие, а также обитали по соседству, как, например, его старый друг – литератор и врач Владимир Николаевич Унковский («Африканский доктор») или художница Ольга Федоровна Ковалевская («Листин», «Слепышка»). Посетители квартиры писателя, упоминаемые в начальных тетрадях *Дневника*, почти сразу же были аккумулярованы творческим сознанием Ремизова, став героями его произведения. Вскоре после смерти жены, литератор начал работать над экспериментальным текстом, озаглавленным *Мышкина дудочка*. Его первоначальная редакция 1944 года имела заглавие и подзаголовок *Очарование. // Интермедия для чтения. // Действие происходит в оккупации 1940–1943 // в Париже на*

Rue Voileau в доме с белыми муравьями, крысами, мышами, и блох довольно⁷. После окончания войны этот круг старых друзей, в основном, сохранился. Изменения произошли либо из-за их отъезда, либо (как в случае с Н. Н. Евреиновым) из-за возникших политических разногласий между бывшими приятелями.

Однако, начиная с 1946 года, на улице Буало появились новые и на время по разным причинам исчезнувшие старые друзья и знакомые. Одни из них, как профессор Борис Унбегаун, вернулись из немецких концлагерей, другие, как например, Бронислав Сосинский, Вадим Андреев возвратились после участия во французском Сопротивлении. Из французской провинции снова приехали в Париж друзья Ремизова еще с берлинских времени – Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова и ее дочери: Наталья Резникова, Ольга Андреева и Ариадна Сосинская со своими детьми. Начиная с 1946–1947 годов, записи «дневной» стороны тетрадного разворота фиксируют почти ежедневные посещения писателя членами этой дружной семьи.

На страницах *Дневника мыслей* в списках посетителей появляются и имена уехавшей в США в период войны четы: предпринимателя Исаака Вениаминовича Кодрянского и его супруги – начинающей писательницы Натальи Владимировны. В дневных записях отмечена их материальная помощь писателю и зафиксированы посещения ими его квартиры. Однако главной основой их взаимоотношений в эти годы было то, что Ремизов редактировал, а, по сути, переписывал «по материалу» тексты сказок Кодрянской, и в дальнейшем сочинил панегирическое предисловие к ее книге, фактически подготовленной им самим. Литературная ученица настороженно относилась к сохранению тайны реальной роли писателя в ее книжном проекте. Факты проведенной литератором в 1947 году работы над текстами Кодрянской никак не отражены на «дневных» страницах дневника. Однако они нашли метафорическое выражение на его сновидческой стороне. Например:

Сон с 22 на 23 декабря 1946 г.:

Кодрянская на кухне требует немедленно поправить какую-то сказку⁸.

Сон с 12 на 13 января 1947 г.:

[Видел] С. П. и Кодрянскую. Переехали на новую квартиру. А о Кодрянской: пишу предисловие к ее книгам.

⁷ А. М. Ремизов, *Очарование*, Собрание Резниковых (Париж). Ныне в Государственном Литературном музее (ГЛМ, Москва).

⁸ Здесь и далее *Дневник мыслей* Ремизова цитируется по автографам (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 31–61).

Сон с 18 на 19 февраля 1947 г.:

К[одрянская]: «Опять я не наполнена, а я хочу наполнения».

Как уже отмечалось, в первом томе *Дневника* дневная сторона долгое время была посвящена лирическому плачу по умершей жене. Начиная со второго тома, Серафима Павловна (в *Дневнике* она обозначается инициалами С. П.) становится одной из главных героинь сновидений писателя.

С конца 1946 года обдумывание главных проблем, наяву волновавших Ремизова, полностью переместилось на правую, сновидческую сторону *Дневника*. Это были проблемы как жизненного, так и творческого характера. При этом почти всегда их образное осмысление осуществлялось в сно-формах с помощью друзей, чаще всего давно перешагнувших грань между жизнью и смертью, и, прежде всего, «под взглядом» и при постоянном участии Серафимы Павловны.

Если говорить о реальной жизни Ремизова середины 1940-х годов, то в это время главным волновавшим его вопросом была мысль о возвращении на Родину. Для писателя это было также связано с усилившимся после смерти жены желанием воссоединиться с оставшейся в СССР дочерью – Наташей.

Во втором и третьем томах *Дневника мыслей* темы, которые можно обозначить как «возвращение на Родину» и «Наташа Ремизова», присутствуют в меньшей степени в реальной, а в большей степени – в сновидческой частях текста. Фактически они и формируют главный лейтмотивный сюжет дневниковых записей этого времени.

В период 1946–1947 года количество снов, посвященных теме возвращения в Россию, постепенно нарастало. Параллельно с темой возврата в то место, куда надо вернуться, в сновидениях развивалась тема «Наташи Ремизовой» – человека, к которому собирался ехать писатель. Несмотря на полученное известие о ее смерти, в 1946–1947 годах Ремизов не прекратил предпринимать шаги для своего возвращения на Родину. Как известно, он посещал Советское посольство в составе делегации представителей русской эмиграции, а в дальнейшем взял советский паспорт.

На «дневных» страницах контакты Ремизова с советским посольством не отражены. Исключение – датированная 17 октября 1946 года лапидарная помета: «паспорт». Вероятно, что это указание на день получения писателем советского паспорта. Примечательно, что эта дневная запись напрямую корреспондирует со сном накануне получения документа – эмоциональным переживанием грядущего события:

Сон с 16 на 17 октября 1946 г.:

В саду Емельянов в черном [...]. Он должен выдать мне и С. П. паспорта. [...] В комиссариате большая очередь сидит, но я подошел без очереди, я вспомнил, что уж год, как готовы наши «свидетельства», а я забыл и не взял. И в это время перерыв. Все уходят. Я остановил не ту, к[оторая] выдала, а которая с ней. И вынул 50 fr. – как полотенца и все-то «подштановы», с подклейками. А она взяла, ничего.

Возвращение на Родину было чаемым событием для Ремизова как человека и как писателя. Это означало бы открытие его книгам пути к оставшемуся на Родине русскому читателю. 1946–1947 годы – время интенсивных контактов писателя с кругом лиц из Союза советских патриотов и печатания глав из книги *Иверень*, посвященной времени его революционной юности, на страницах их органа – газеты «Советский патриот». Сведения о публикациях тщательно зафиксированы в информативных дневных записях, а редактор газеты «Советский патриот» Дмитрий Михайлович Одинец стал одним из героев ремизовских снов.

Сон с 10 на 11 апреля 1946 г.:

Я один занимаю большую квартиру. Комната пустая. За ванной есть еще комната для прислуги. Руманов и еще какой-то, потом выясняется, что это Одинец. (Хотя Одинец уже был, и я ему отказал). Одинец просит принять его. Умоляет. И идет по комнатам. (Если бы он знал, что есть еще за ванной!). Но я решительно отказываюсь. «Ради Бога!» – «Нет». И провожаю их. Они спускаются по лестнице. Лестница широкая деревянная [...]. И я спускаюсь сзади. И Одинец ругательски ругает меня. И я плюю вниз на него. Он приостановился и, вижу, возвращается. И тогда я скорее назад. Бегу – мимо консьержки – и выше. Я знаю, он ударит меня. И задохнулся.

Сон с 28 на 29 апреля 1946 г.:

Мы идем в очереди к причастию. Священник – Одинец, С. П. впереди. [...] какая-то дама, высокая, с лицом Р. Блох. Одинец разговарив[ает] с ней, я слышу, о яйцах. И я совсем теряюсь от возмущения. Мне ужасно за С. П. [...] Так задерживает, говорю. И смотрю на С. П.: лицо у нее посинело. Это видит священник Одинец. И говорит: «Я провожу ее». И причащает меня. И я что-то говорю – мои слова как искры. И Одинец, отставляя чашу, машет руками: «Кикимора!»

От возмущения я проснулся. И когда опять заснул, вижу, мы в церкви. И я прохожу к причастию – тихо. И возвращаюсь, вижу Сомова. Пришел к нам Б. В. Савинков. Он говорит нам, что он устранился от всякой революционной деятельности.

Разноплановый материал, содержащийся в тексте *Дневника мыслей* 1940-х годов, позволяет в значительной степени реконструировать сложную политическую и духовную атмосферу русского послевоенного Парижа, в которой находился Ремизов и которая существенным образом влияла на его итоговый жизненный выбор.

Информативные списки имен на «дневных» страницах *Дневника* включают в себя представителей не только первой, но и второй волн эмиграции, – то есть людей, не понаслышке знавших темные стороны сталинского режима. Так, в частности, неоднократно на страницах появляется имя «невозвращенца» Михаила Корякова. Анализ сно-форм показал, что семантическим ядром образов, тем, мотивов, связанных с темой «возвращения в СССР», стали понятия «опасность», «провокация», «зло». Неслучайно в ремизовском сне об Одинце возникала фигура давнего знакомого писателя Бориса Савинкова, как известно, заманенного на территорию СССР советскими спецслужбами и вскоре погибшего. С этими мотивами коррелирует, к примеру, ремизовский сон с 17 на 18 января 1947 года:

Меня вызывают в Москву. А я думаю, – если я поеду, меня не выпустят.

Тетради *Дневника мыслей* 1940-х годов зафиксировали постепенную кристаллизацию в сознании Ремизова идеи о невозможности реального возвращения на Родину. Дочери Наташи уже не было на свете, а доходившие сведения о послевоенном лице режима в СССР будили воспоминания литератора о его жизни в Советской России периода красного террора.

Получаемая Ремизовым информация о положении литературы в СССР также не оставляла места иллюзиям о том, что на Родине выпуск его книг станет возможным. Свидетельство о внимательном отслеживании писателем этой стороны – вероятности возвращения домой Ремизова-писателя можно найти, в частности, в его письме Н. Кодрянской от 13 августа 1947 года:

Очень меня огорчила статья в «Правде». Даже такое ремесленное, как «recherche du style» объявляется преступным, конечно, и мои сны: «goût de l'absurd»⁹.

В настоящей статье была возможность лишь кратко остановиться только на некоторых составляющих *Дневника* конца 1940-х годов. Если же рассматривать его в целом, то можно сделать следующие выводы:

⁹ А. М. Ремизов, *Письмо Н. В. Кодрянской 13 августа 1947 г.*, РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 169. Л. 12.

Ранние тетради *Дневника мыслей* представляют собой имманентную фиксацию внутреннего состояния автора, являются как бы «туманным зеркалом» его внутренних переживаний, сконцентрированных на оплакивании ушедшей супруги. На рубеже 1946–1947 годов окончательно формируется новаторская художественная форма писательского дневника, позволяющая не только фиксировать стороны реального ремизовского бытия, но также осмыслять события внешнего мира в широком историософском контексте. Дневная сторона Дневника представляет собой глухую лапидарную фиксацию событий и фактов в виде мнемонических номинативно-тезисных помет. Осмысление же совершающегося или только грядущего происходит на страницах «ночной стороны» дневника в образах сно-форм. Именно из их анализа, как бы при помощи уникальной стереоскопической лупы можно получить данные о значимых событиях в жизни русской эмиграции во Франции, об отношении к этим процессам автора дневника, и, главное, увидеть составляющие процесса его возобновленной творческой работы.